
ФИЛОСОФИЯ

УДК 167.1

В.В. Котлярова, А.М. Руденко, Э.Л. Куцова*Донской государственный технический университет**Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)**г. Шахты, Россия*

Biktoria66@mail.ru

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
КОНЦЕПЦИИ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА****[*Kotlyarova V., Roudenko A., Kutsova E. Philosophical analysis of the concept of "language games" by L. Wittgenstein in the context of postmodern culture*]**

It has been analyzed the work of the Austrian philosopher Ludwig Wittgenstein, impacting the development of language theme in culture and philosophy of post-modernism of the second half of the XX century. Language game extends the capabilities of the language, allows to go beyond the limits of strict regulation of speech. Comparison by L. Wittgenstein of speech and game has eliminated the need for strict rules and precise explanations of the mechanisms of language and mastery. Today, the phenomenon of language game is not completely investigated. Language is a living organism that is constantly evolving and able to change.

Key words: culture, language philosophy, postmodern, linguistic turn, "language games".

Философия языка является одним из основополагающих направлений не только аналитической философии XX века, но и важнейшим предметом пост-модернистского дискурса. И это несмотря на то, что языковая тематика издавна входила в круг философских интересов и многие из философов предшествующих столетий приложили значительные усилия в осмыслении проблем языка, начиная с древнегреческого софиста Протагора, который первым начал обращать внимание на время действия в высказываниях и открыл глагол или Аристотеля, заслуги которого заключаются в становлении методологии формального языка. Языковые проблемы вошли в сферу исследований новоевропейский философов вместе с перемещением их интересов в сторону гносеологии (так называемый «эпистемологический поворот»). Опреде-

ляя большую роль языка в познании, философы еще с XVII века обратили внимание на трудности, связанные с неправильным использованием слов («идолы площади» в Ф. Бэкона), на характеристику слова как знака (Т. Гоббс), на образование понятий (Д. Локк), на роль слова в теории абстракций (Д. Юм). В философии XX века состоялся настоящий «лингвистический поворот», конституирующий переход от традиционных гносеологических и онтологических вопросов философии к философии языка [8]. В этом процессе ключевую роль сыграли несколько философов.

Особое значение в лингвистическом повороте имеет творчество австрийского философа Людвиг Витгенштейна – одного из самых значительных, оригинальных и глубоких мыслителей, повлиявших на развитие языковой тематики в культуре и философии постмодерна второй половины XX века. Наиболее существенное влияние на дальнейшее развитие философии и, в частности, философии языка, имели его поздние работы, в которых изложена концепция «языковых игр», анализ которой предпринимается авторами.

Если в ранний период своего творчества Л. Витгенштейн в основном развивал систему логического языка, то в дальнейшем он отходит от этой позиции, в большей степени интересуясь вопросами анализа обыденного языка. Доминирование логического, искусственного языка по убеждению Л. Витгенштейна уничтожит смысл, т.к. логическая речь только показывает, но ничего не говорит о вещах. Особенность обыденного языка заключается в том, что значение языковых выражений не является четко фиксированным и со временем может меняться [12]. Однако на характер значений языковых выражений влияют контекст речи и совокупность мировоззренческих установок определенного языкового сообщества или отдельного человека.

В работе «Философские исследования» (1945) Л. Витгенштейн впервые предлагает использовать термин «языковая игра» для обозначения определенных типов речи в момент их использования. Философ дает достаточно широкий круг интерпретации языковой игры. Согласно концепции Л. Витгенштейна, «весь процесс употребления слов в языке можно представить как одну из тех игр, с помощью которых дети осваивают родной язык. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и говорить иногда о каком-то примитивном языке как о «языковой игре» [2, с.83]. Л. Витгенштейн в понимании языковой игры отталкивается от базовых культурных форм и моделей, благо-

даря которым человек обучается языку, и которые являются первичным и изначально важным элементом социализации личности.

Объясняя происхождение данного понятия, австрийский мыслитель ссылается на те игры, в которых ребенок учится значению слов. Слова можно понять только в контексте этой деятельности. Иными словами, речь сама по себе является определенной игрой. В то же время она составляет некоторый каркас, который определяет употребление слов. Именно единство языка, его употребление и определенной деятельности, где стандарты и нормы речевого поведения необособленные от образцов конкретного вида деятельности, и является отличительной особенностью языковых игр. Каждая языковая игра уникальная, каждый раз она может по-разному взаимодействовать с контекстом, дискурсом и фоновыми знаниями реципиентов.

Если Ф. де Соссюр, предшественник Л. Витгенштейна, употребление слов сравнивал с игрой в шахматы, то сам Л. Витгенштейн уже всю речь в целом считал совокупностью языковых игр. К интерпретации языковых проблем Л. Витгенштейн шел не лингвистическим, как Ф. де Соссюр, а философским путем, считая, что все наши знания о мире и свое отношение к миру мы выражаем языком. Уже в предисловии к своей первой книге «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейн отмечает: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, о чем сказать невозможно, о том следует молчать» [2, с.13]. И с этим трудно не согласиться.

Л. Витгенштейн, употребляя понятие «языковая игра», стремился подчеркнуть важность правил в процессе создания игр. Как отмечает один из ведущих исследователей значимость игры в культуре Й. Хейзинга, «игра творит порядок, она сама есть порядок» [13, с. 21]. В несовершенном мире игра создает совершенство. Если в ней отсутствует порядок, то игра перестает быть игрой. То, что ограничивает свободу игроков – не природа, не сопротивление человеческим порывам, и не враждебность окружения. Сама игра устанавливает ограничения в виде правил. Даже небольшое отклонение от порядка разрушает ее.

«Языковые игры» могут возникнуть только в среде, соответствующей ряду условий:

- *во-первых, необходимо наличие языкового сообщества.* Ведь язык является имманентно присущим человеку свойством, и если нет носи-

телей языка, то и не имеет самого языка. Более того, речь должна использоваться, иначе ей непременно грозит упадок и уничтожение;

- *во-вторых, слова, которые используются в процессе игры как нами, так и нашими собеседниками, должны пониматься адекватно. А это значит, что каждый из участников игры должен придерживаться четко установленных правил;*
- *в-третьих, нарушение правил языковой игры должно осуждаться другими членами сообщества, иначе это может привести к отсутствию коммуникации в языке, а то и к разрушительным последствиям. Вышеприведенные условия необходимы не только для возникновения, но и эффективного функционирования «языковых игр».*

Л. Витгенштейн не разделяет мнения, что возможно представить язык как «исчисление правил значения». Дело в том, что система правил обыденного языка не является полной и однозначной, а потому невозможно будет ее систематизировать исчисления. Кроме важности правил в процессе коммуникации, необходимо также зафиксировать ее прагматический аспект, который отсутствовал в искусственно сконструированных (формально-логических) языках. Л. Витгенштейн стремился доказать, что мы не можем окончательно быть уверенными в том, что наше понимание некоторых правил всегда будет тождественно пониманию этого правила нашим собеседником, а само действие правила неизменно будет определено по отношению к бесконечному множеству частных случаев.

Наряду с этим, справедливым будет отметить, что Л. Витгенштейн при построении концепции «языковых игр» непосредственно не выходит из проблем современной философии и методологии. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры применения аппарата «языковых игр», из которых следует скорее их методическая, чем методологическая функция [4, с.49]. До некоторой степени это так и есть. Напрямую не касаясь процессов коммуникации, организации дискуссий и диспутов, он демонстрирует, что в случае отсутствия поля для организации коммуникативного действия, таким полем может выступить бытовая речь. Ее средств оказывается достаточно, чтобы презентовать такую минимизированную, но адекватную модель мира, которая бы соответствовала законам логики.

Языковая игра расширяет возможности языка, позволяет выйти за грани жесткой регламентации речи. Л. Витгенштейн также не оставляет без внимания

тот аспект, что с течением времени язык как средство коммуникации способен меняться. Он утверждает, что «языковые игры со временем меняются» и когда происходит это изменение, то меняются «понятие, а вместе с ними и значения слов» [2, с. 370]. Л. Витгенштейн говорит о том, что мы можем предоставлять языковым выражениям новые смыслы, детерминированные определенным социальным окружением, которому должны быть понятны практики нашего применения слов. Этот критерий ярко раскрывается на примере употребления криков и других языковых выражений, значение которых может быть понято только в контексте определенной коммуникативной ситуации.

В своей философии Л. Витгенштейн формирует определенную «динамическую» триаду: язык – действие – значение, каждый элемент которой является прагматичным, то есть его сущность раскрывается только через контекст, особенности его употребления. Язык, речь, таким образом, оказываются в плену текста и контекста, зависят от слова как действия в коммуникативном процессе, значение же, в свою очередь, зависит от употребления в настоящее время и данном месте.

Л. Витгенштейн различает не только ментальные состояния (сознание) и язык, но и сознание, и процессы в мозге. Он спрашивает: «Чувство непреодолимой пропасти между сознанием и процессом в мозге: как так получается, что это не сказывается на наших рассуждениях о повседневной жизни?» [2, с. 211]. Между физиологическими и умственными процессами есть существенная разница. Язык без ментальных процессов представляет собой набор мертвых знаков. Знаки могут что-то показывать лишь тогда, когда их применяют живые люди. Отличие между языковыми и ментальными процессами заключается в том, что в языке можно творить бессмысленные словосочетания, но в психике нельзя творить нелепых представлений (и соответственно мыслить их).

Теория языковых игр Л. Витгенштейна нашла свое плодотворное развитие в философии постмодерна, ведь идея языковой игры находится в основе постмодернистской концепции читателя как источника смысла, т.к. в процессе чтения «все трое» (автор, читатель, текст) являются «единственным и бесконечным полем для игры» [3, с.108]. Главным принципом постмодернизма, как известно, является сочетание разнообразных стилей и языков культуры, «системно-деятельностное понимание языка, языкового сознания, общения как взаимодействия» [9, с. 25]. Поэтому мир рассматривается как текст, как

бесконечная перекодировка и игра знаков, за которой нельзя представлять вещи такими, как они есть, истину саму по себе. Текст в постмодернизме предстает интертекстуальной игрой заимствованных цитат, языковых клише. Художественная практика постмодернизма предлагает искусство цитирования, фактически – собственного монтажа фрагментов культурных текстов.

Ярким представителем «линии Витгенштейна» в современной философии является Ж.-Ф. Лиотар, труд которого «Постмодернистская ситуация» является одним из манифестов постмодерна. Собственно сам термин «постмодерн» Лиотар позаимствовал у современных американских социологов. Он отмечает его некоторую неопределенность и применение в качестве синонима к таким терминам, как «постэмпиризм», «постструктурализм», «постпозитивизм». Собственно употребление термина «постмодерн» Лиотар связывает с обозначением особого состояния нашей культуры, трансформации которой с конца XIX века изменили правила игры для науки, литературы и искусства [10].

Структура языковой игры, по Ж.-Ф. Лиотару, определяется соотношением денотативной (констатирующих), перформативных и прескриптивных высказываний. Денотативное высказывание констатирует, перформативное является выполнением определенного действия, прескриптивное приписывает действия получателю информации в соответствии властных полномочий ее отправителя. Языковая игра легитимная (оправдана) в силу явного противоборства (агонистики) игроков. Люди в качестве «атомов» общества расположены на пересечении прагматических, т.е. жизненно важных для них связей. Коммуникация предполагает игры, их ставки, агонистики, согласие (консенсус), постоянно разрушается и переходит в несогласие (дисконсенсус) [7, с.10].

Ж.-Ф. Лиотар считает, что современную науку нецелесообразно считать царством исключительно денотативных высказываний, лишенных прагматичности. Даже обсуждение денотативных высказываний требует соблюдения определенных правил, а они прескриптивных и реализуются в борьбе мнений, научных школ, следовательно, осуществляются в форме паралогии. Научная прагматика является одним из элементов социальной. В условиях постмодерна основополагающее значение приобретает познание языковых игр как таковых и решение взять на себя ответственность за их результаты, важнейшим станет результат, который оправдает применение этих правил. Он может быть обозначен как определяющий содержание постмодернистской этики [11].

Другой представитель французского постмодернизма, философ, семиотик и критик Р. Барт с помощью игры обосновывает сущность концепта «текст». По его мнению, текст является игрой различных кодов и значений. Соответственно, игра становится способами создания и восприятия текста: «Одно дело – чтение как потребление, а другое – игра с текстом. <...> Играет сам текст (так говорят о свободном ходе дверей, механизма), и читатель также играет» [1, с. 241]. Множественность языковых игр имеет определенные правила, эта игра является разновидностью интеллектуальной деятельности человека, лишенной прямой практической целесообразности. Она дает индивиду возможность самореализации, что выходит за рамки его актуальных социальных ролей.

Таким образом, идеи Л. Витгенштейна оказали значительное влияние на постмодернистский дискурс XX века. В концепции «языковых игр» мыслитель показал, что язык – это единство мысли, слова, дела и обстоятельств, вне которых три первые компоненты не срабатывают и язык является «мертвым». Вводя термин «языковые игры», он делал акцент на динамичности языка, необходимость его изучения в жизни, в коммуникации, а не в «мертвых» знаках. Слова и предложения являются составляющими наших ежедневных практик, и простейшие модели использования языка позволяют понять неузнаваемо видоизмененные случаи сложной повседневной речи. Сравнение Л. Витгенштейном речи и игры исключило потребность в строгих правилах и точности объяснения механизмов языка и овладения ими. На сегодня феномен языковой игры не окончательно исследован, поскольку язык является живым организмом, который постоянно развивается и способен меняться. В постмодернистском дискурсе язык становится основным предметом анализа и тем компонентом культуры, с помощью анализа которого можно выявить генетические корни любого культурного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1 / Перевод с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994.
3. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.

4. *Котлярова В.В.* Парадигмы аксиологии: Ростов-на-Дону, 2014.
5. *Котлярова В.В.* Современное научное познание: парадигма интеграции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2015. № 9. 1 (59).
6. *Котлярова В.В.* Традиционные ценности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2010. №1 (5).
7. *Лиотар Ж-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с франц. Институт экспериментальной социологии. М., 1998.
8. Основы риторики: учебник / А. М. Руденко, В. В. Котлярова, Ю. А. Шестаков. Ростов-на-Дону, 2016.
9. *Руденко А.М.* Генезис социокультурного пространства культуры постмодерна // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. №5.
10. Руденко А.М. Проблемы реализации смысловожизненной интенциональности экзистенции человека в современной социокультурной реальности // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3.
11. Руденко А.М. Экзистенция человека в условиях трансформации социокультурного пространства культуры постмодерна // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 4.
12. Философия науки: учебное пособие для вузов / Е.Ю. Положенкова, В.И. Родионова, К.В. Воденко, В.В. Котлярова / Отв. ред. Е.Ю. Положенкова. Шахты, 2010.
13. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
14. *Roudenko A.M.* Education of Specificity of Methodological Principals of Philosophical and Anthropological Investigation of Life-Meaningful Intentionality of Person's Existence / A.M. Roudenko, V.V. Kotlyarova, M.M. Shubina // Mediterranean Journal of Social Sciences (Italy). – Rome: MCSER (Mediterranean Center of Social and Educational Research). Vol. 6, No. 2, March 2015. Supplement 1.

REFERENCES

1. *Bart R.* Selected works: Semiotics. Poetics. М., 1989.

2. *Wittgenstein L.* Philosophical works. Part 1 / Translated from it. M. S. Kozlova and Yu. A. Aseev. M., 1994.
3. *Ilyin I. P.* Postmodernism from the beginning to the end of the century: the evolution of scientific myth. M., 1998.
4. *Kotlyarova V.V.* Paradigm axiology: Rostov-on-Don, 2014.
5. *Kotlyarova V.V.* Modern scientific knowledge: paradigm integration // Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and art // Problems of theory and practice. 2015. No 9. 1 (59).
6. *Kotlyarova V.V.* Traditional values in modern culture // Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and art // Issues of theory and practice. 2010. No. 1 (5).
7. *Liotard W-F.* Condition of postmodernity / Trans. from French. Institute of experimental sociology. M., 1998.
8. Basics of rhetoric: a textbook / A. M. Rudenko, V. V. Kotlyarova, Y. A. Shestakov. Rostov-on-Don, 2016.
9. *Rudenko M. A.* Genesis of sociobiological space of postmodern culture // Humanities and social sciences. 2012. No. 5.
10. *Rudenko A. M.* Problems of realization of a life of intentionality existence of man in the modern socio-cultural reality // Humanities and social science. 2010. No. 3.
11. *Rudenko A. M.* Existence of man in the conditions of transformation of sociobiological cultural spaces of postmodernism // Economic and humanitarian researches of regions. 2012. No. 4.
12. Philosophy of science: textbook for universities / E. Y. Prosenkova, V. I. Rodionov, K. V. Volenko, V. V. Kotlyarova / Ed. by E. Y. Prosenkova. Shakhty, 2010.
13. *Heizinga Y.* Homo ludens. In the shadow of tomorrow. M., 1992.
14. *Roudenko A. M.* Education of Specificity of Methodological Principals of Philosophical and Anthropological Investigation of Life-Meaningful Intentionality of the Person's Existence / M. A. Roudenko, V. V. Kotlyarova, M. Shubina M. // Mediterranean Journal of Social Sciences (Italy). – Rome: MCSER (Mediterranean Center of Social and Educational Research). Vol. 6, No. 2, March 2015. Supplement 1.

28 января 2017 г.